

Глава 12. Болезнь

— О, очнулся, — Цзинь Хань уже собирался состричь, но тут Гу Наньчжао резко оттолкнул его и устремился вверх, к свету.

Цзинь Хань лишь удивленно вскинул брови. Пользуясь тем, что, в отличие от ученика, не терял сознания, да и сил у него было побольше, он перехватил чужую руку. Не давая юноше вырваться, Цзинь Хань мощным рывком вынес их обоих на поверхность.

Едва Гу Наньчжао успел смахнуть с лица воду и сделать первый судорожный вдох, как над самым ухом раздался ворчливый голос наставника:

— Я только что спас твою шкуру, а ты мало того что бросаешь меня одного, так еще и рожи строишь. Неблагодарный паршивец. Ни стыда ни совести.

Цзинь Хань лучше бы помалкивал: при этих словах Гу Наньчжао тут же вспомнил то, что произошло на глубине.

Он пришел в себя как раз в тот миг, когда Цзинь Хань прижался к нему. Разумеется, Гу Наньчжао понимал: наставник всего лишь делился воздухом, спасая от удушья. Но факт оставался фактом — их губы соприкоснулись.

За обе свои жизни юноша ни с кем не сближался настолько. Странное, мягкое прикосновение будто до сих пор жгло губы, заставляя хмуриться от неловкости. Ощущение было диким, из ряда вон выходящим, но, как ни странно, отвращения не вызывало.

Случись подобное прежде, посмей Цзинь Хань сотворить такое — и плевать, ради спасения или шутки ради, — Гу Наньчжао без колебаний свернул бы ему шею.

Но сейчас он лишь мягко оттолкнул его. В душе не зародилось даже мимолетной жажды крови.

«Почему? — недоумевал он. — Это неправильно. Так быть не должно».

Юноша исподлобья взглянул на мужчину. Тот небрежно отер воду с подбородка и уставился на затихшую водную гладь. Он все еще был охвачен азартом недавней схватки.

Почувствовав на себе пристальный взор, Цзинь Хань обернулся. Он дерзко и довольно улыбнулся.

— Осознал свою вину? — весело прищурился он.

И, не дожидаясь ответа, великодушно махнул рукой:

— Ну да ладно, раз раскаиваешься, так и быть. Твой благородный учитель прощает тебя.

Гу Наньчжао промолчал.

Он отвел взгляд, зачесал мокрые пряди назад и принялся выжимать промокшую одежду.

Лишенный духовного корня, он совершил невозможное — заставил свою духовную силу подняться, чтобы дать отпор Зверю Пурпурной Молнии, Пожирающему Облака. Теперь расплата за безрассудство настигла его: бушующие внутри потоки энергии причиняли невыносимую боль. Не оставалось сил даже на то, чтобы высушить одежду простейшим заклинанием.

Пропитанная ледяной водой ткань липла к телу, вытягивая последнее тепло и пробирая до самых костей.

Пока он, стиснув зубы, пытался превозмочь озноб и ломоту в теле, на плечи вдруг легло что-то тяжелое, сухое. Повеяло живым теплом и едва уловимым, чистым ароматом сосны.

Оглянувшись, юноша обнаружил на себе чужое верхнее одеяние.

Он вскинул голову и встретился взглядом с наставником, который как раз опускал руку.

Неужели Цзинь Хань отдал ему собственную одежду?

Первым порывом было изумление, вторым — мгновенно вспыхнувшая настороженность. С чего бы этому человеку проявлять такую заботу?

Очередной спектакль?

Но вокруг не было ни души, им не перед кем было разыгрывать представление. Да и в лице Цзинь Ханя в тот краткий миг не сквозило ни капли фальши.

Заметив этот испытующий, настороженный взгляд, Цзинь Хань сам почувствовал легкое замешательство.

«Что со мной творится? — подумал он. — Слишком вжился в роль? С каких пор я начал заботиться об этом парне как о настоящем ученике?»

Этот юнец — его смертельный враг. Рано или поздно один из них должен будет сгинуть. Какое

ему дело, замерзнет тот или нет? Пусть бы и вовсе околел в этой луже, проблем меньше.

Мысли были жестокими и трезвыми, однако стоило ему секунду назад увидеть покрасневший нос юноши и его онемевшие, посиневшие пальцы, безуспешно пытавшиеся выжать подол, как перед глазами невольно встали картины собственного безрадостного детства. Годы побегов, одиночество, холод и абсолютная беспомощность...

Душевный порыв оказался быстрее разума. И опомниться не успел, как набросил плащ на чужие плечи.

Цзинь Хань хмуро разглядывал ученика, всерьез раздумывая, не забрать ли шмотку обратно, но тот вдруг плотнее закутался в теплую ткань и тихо произнес:

— Спасибо.

В его голосе не было привычного яда или притворства. Он поблагодарил искренне.

Цзинь Хань неловко передернул плечами и после недолгой паузы буркнул:

— Пустяки.

Вскоре вернулся посланный за помощью ученик, а следом за ним прибыл и сам глава Секты Небесной Тени, Сун Аньжу. Лицо его было темнее тучи.

Пока улаживали последствия переполоха, сумерки окончательно сгустились над горами.

Гэ Жунь распорядился унести раненых, заодно приказав утащить и троих зачинщиков, что заварили всю эту кашу с Гу Наньчжао. Старейшина предложил юноше тоже показаться лекарям, однако тот вежливо, но твердо отказался.

После ужина они вернулись в свои покои. Цзинь Хань с удовольствием смыл с себя озерную грязь в горячей лохани и сразу же лег в постель.

Проснулся он глубокой ночью. Вокруг царил глухой мрак. Поднявшись на постели, он щелчком пальцев зажег свечу на столике.

Набросив на плечи халат, он подошел к столу и налил себе воды. Под глиняным кувшином тускло мерцали руны простенького массива, сохранявшего питье теплым.

Делая неторопливые глотки, Цзинь Хань вдруг насторожился.

За стеной, в комнате Гу Наньчжао, царила мертвая тишина. Обычно чуткий слух заклинателя улавливал мерное дыхание соседа, но сейчас из-за перегородки не доносилось ни звука — словно там никого не было.

Цзинь Хань поставил недопитую пиалу обратно.

«Неужто малец все-таки отдал концы?» — мелькнула тревожная мысль.

Днем парень выглядел краше в гроб кладут, да и за ужином едва притронулся к еде. Вдобавок проторчал в ледяной воде черт знает сколько, да еще и умудрился схватиться со священным зверем. Каким бы чудодейственным ни было влияние Духовной жемчужины, без золотого ядра и духовного корня его тело сейчас мало чем отличалось от хрупкой плоти простых смертных.

В сюжете новеллы до обретения нового корня главному герою знатно доставалось от судьбы, но с чудовищами уровня Зверя Пурпурной Молнии он на столь раннем этапе точно не пересекался.

Немного поколебавшись, Цзинь Хань решительно направился к выходу.

Из-под двери соседней комнаты пробивался слабый свет. Цзинь Хань негромко постучал два раза:

— Эй, не спишь?

Ответа не последовало.

— Молчишь? Ну, тогда я вхожу.

Он толкнул створку и сразу же устремил взгляд на кровать.

Несмотря на скрип двери, Гу Наньчжао даже не пошевелился. Он лежал неподвижно, заставив гостя всерьез беспокоиться.

Прикрыв за собой дверь, Цзинь Хань подошел ближе. Юноша метался в беспамятстве, его щеки пылали лихорадочным румянцем.

Цзинь Хань приложил ладонь к его лбу и мгновенно нахмурился.

«Горит как в огне».

Оценив состояние больного, Цзинь Хань присел у стола. Подперев кулаком щеку, он задумчиво разглядывал мечущегося в бреду юношу.

Показывать парня местным лекарям из Секты Небесной Тени сейчас нельзя — слишком велик риск раскрыть его секреты. Но и пускать болезнь на самотек смертельно опасно. Если этот гений лишится рассудка от жара, вся его затея с путешествием в город Вэй пойдет прахом.

— Вот же наказание, — вздохнул Цзинь Хань, поднимаясь.

Он вернулся к постели и прижал сложенные пальцы к горячему лбу юноши, собираясь облегчить его страдания с помощью внутренней энергии.

Но едва он коснулся кожи, как Гу Наньчжао резко вскинул руку и намертво вцепился в его запястье. На сухих, потрескавшихся губах задрожало едва слышное:

— Мама...

— Не бреди, мелкий, я тебе скорее в отцы гожусь, — тихо фыркнул Цзинь Хань.

Он попытался высвободить руку, но, взглянув на искаженное страданием лицо подопечного, замер.

От сильного жара щеки юноши полыхали алым, а лоб покрылся крупными каплями холодного пота. В его еще по-детски тонких чертах сейчас сквозило такое глубокое, неприкрытое отчаяние, что у Цзинь Ханя невольно сжалось сердце.

Кошмары терзали мечущегося в бреду юношу. Он изо всех сил цеплялся за пойманную руку наставника, точно за спасительную соломинку, и безостановочно звал мать.

Будучи главным героем этой истории, Гу Наньчжао, конечно, происходил из необычной семьи.

Его отец некогда числился среди адептов легендарной обители — Врат Великого Небытия. О том месте в мире смертных слагали легенды: обитель считали ближайшей точкой к чертогам бессмертных, и каждый, кому удавалось переступить ее порог, почитался едва ли не полубогом.

Отец юноши был старшим учеником и прямым наследником престола Врат Великого Небытия, тогда как мать — дочерью владыки Секты Демонов.

Их союз стал вызовом для всего сущего. Мир не мог стерпеть подобного кощунства.

Влюбленные оказались под ударом обеих сторон: Врата Великого Небытия и Секта Демонов объединились ради их истребления. Защищая жену и малолетнего сына, отец Гу Наньчжао пал в неравном бою.

Тогда мальчику едва исполнилось шесть лет — возраст, когда память уже крепко хранит пережитые ужасы.

Спасая ребенка, мать бежала вместе с ним на край света. Позже, желая уберечь его от преследователей, она запечатала дремлющую в его жилах кровь демонов и под видом самого обычного сироты устроила в Секту Ясной Луны.

Этот орден пусть и уступал величием Вратам Великого Небытия, зато славился безупречной репутацией и благородством нравов праведного пути.

Женщина надеялась, что здесь ее сын обретет покой и защиту, однако судьба распорядилась иначе, столкнув его с наставником-подонком, превратившим жизнь сироты в сущий ад.

Оставив ребенка на попечение ордена, она в одиночку отправилась к Вратам Великого Небытия, чтобы отомстить за смерть мужа. С тех пор ее никто не видел.

Цзинь Хань молча сидел на краю постели. Вдруг на его ладонь упала теплая капля. Была ли то слеза или просто лихорадочный пот, стекавший по виску юноши, он не знал.

В груди противно екнуло. Прежняя холодность и досада мгновенно испарились, уступив место глухой, щемящей жалости.

Глядя на беззащитного соперника, Цзинь Хань словно видел собственное отражение — того испуганного, затравленного мальчишку, каким он сам когда-то был.

Точно так же потеряв близких, он скитался по свету в абсолютном одиночестве, не зная, доживет ли до рассвета, и содрогался от кошмаров каждую ночь.

Как же отчаянно он тогда ждал, что кто-нибудь придет и спасет его... Но никто не пришел.

Повинуясь внезапному порыву, Цзинь Хань крепче сжал ладонь юноши и тихо, баюкающе произнес:

— Не бойся. Я здесь.

Мягкие потоки чистой энергии скользнули в меридианы больного. Лишь когда искаженное страданием лицо юноши наконец разгладилось, наставник осторожно убрал руку.

Он заботливо подоткнул одеяло, задул свечу и неслышно выскользнул за дверь.

В комнате вновь воцарился полумрак. Но стоило шагам за стеной затихнуть, как длинные, густые ресницы на бледном лице дрогнули, и Гу Наньчжао открыл глаза.

Юноша пристально посмотрел на запертую дверь. Его взгляд в темноте казался глубоким и пугающе холодным.

Лихорадка настигла его внезапно, лишив сил сопротивляться нахлынувшим воспоминаниям. Боль в теле пробудила старые раны, обнажая то, что он годами хоронил в тайниках души: жестокую гибель отца, горькие разлуки с матерью, бессильную ярость и жгучую, неутолимую жажду мести. Все это тяжким грузом давило на разум, грозя утопить в бездне отчаяния.

И все же, даже провалившись в беспамятство, благодаря таинственной силе Духовной жемчужины он сумел сохранить контроль. Его сознание раздвоилось: пока одна часть изнывала в тисках кошмаров, вторая — холодная, рассудительная — отстраненно наблюдала за происходящим из глубин разума, фиксируя каждое изменение во внешнем мире.

Визит Цзинь Ханя стал полной неожиданностью. Меньше всего Гу Наньчжао мог предположить, что злейший враг явится в его спальню не с мечом, а с утешением.

Он должен был ненавидеть этого человека каждой клеточкой своего существа. Но странное дело: терзаемая кошмарами часть его души, неподвластная обычному контролю, под эти негромкие, ласковые слова мало-помалу утихомирилась, уступая место спасительному покою.

Лежа в темноте, Гу Наньчжао чутко ловил звуки из-за стены. Он слышал, как Цзинь Хань вернулся к себе, улегся в постель и как вскоре его дыхание стало ровным и глубоким.

Убаюканный этим мерным, спокойным звуком, юноша укрылся одеялом по самый подбородок и впервые за долгие годы погрузился в безмятежный, легкий сон.